

Когда тело нашли, участь убийц была предreshена — эти двое уже не могли уйти от ответа.

Уладив сделку с Повелителем Грома, Ху Пэй не пошёл в парадный зал Восточного сада, а свернул обратно к себе, в дворик Нефритового Ириса.

Неугомонная Хуан Сянь, почуяв, что в усадьбе намечается знатное зрелище, никак не желала возвращаться в свои покои. К тому же Ху Пэй предоставил её самой себе, что окончательно развязало лисице руки. Она тенью следовала за Первой госпожой Ху и вместе с законными супругами других ветвей семьи, молодыми господами и молодыми господами устроилась в Восточном саду в ожидании вестей.

Зимний рассвет не спешил. Но и когда рассвело, небо осталось затянутым тяжёлыми свинцовыми тучами, сквозь которые едва пробивался тусклый свет.

Ху Пэй проснулся от завывания свирепого северо-западного ветра за окном. Слышался тихий шорох ложащегося на сугробы свежего снега.

Ху Линь вошёл в комнату, неся таз с горячей водой, над которым поднимался густой пар.

— Молодой господин, поскорее умойтесь, а то вода миглом остынет.

Ху Пэй откинул одеяло, поднялся и, одевшись, умылся. К тому времени, как вошёл Минцуань, он уже неспешно устроился за столом.

Перед едой Ху Пэй первым делом бросил взгляд на ногу Минцуаня, пострадавшую вчера.

— Как нога?

Минцуань тихонько хмыкнул, но тут же сдержал улыбку.

— Премного благодарен за заботу, молодой господин! Всё в порядке, Ху Линь вчера наложил мне мазь. Эх, хозяин, эти кости — сушая погибель для человека.

Минцуань понизил голос:

— Минчжао и Минцин из Западного сада вместе с покойным Минхэ прирезали матушку Чжан, чтобы забрать её жалованье и золотой браслет. А потом не поделили добычу, и Минчжао с Минцином сбросили Минхэ в колодец. Вот ведь дела... Минчжао — картёжник пропащий, кости бросать горазд, глаз намётан. Да только вчера наткнулся на косу — на эту девицу, Хуан Сянь. Не будь её, мы бы все без гроша остались.

Ху Линь поёжился и потер плечи.

— Неужто этот Минчжао настолько ловок? — Не верилось ему, что девчонка Хуан Сянь оказалась хитрее прожжённого каталы.

— Дело мастера боится, — отозвался Минцуань. — Первая госпожа сказывала, что он больше года руку набивал. Раньше-то проигрывал чаще, чем брал куш, а как приловчился, сразу втёрся в доверие к третьему молодому господину. Да только толку-то... — слуга чиркнул себя ребром ладони по горлу. — Едва забрезжил рассвет, великий церемониймейстер вызвал младшего министра юстиции из Осеннего приказа, чтобы тот во всём разобрался.

Ху Пэй мельком глянул на свернувшегося на кушетке белого лиса. Доев, он спросил у Минцуаня:

— Матушка не упоминала, осталась ли у госпожи Чжан какая-нибудь родня?

— Сестрица Ляньпэн из покоев Первой госпожи говорила, что у неё остался лишь младший внук, которого отдали на воспитание двоюродному деду в той же деревне. Больше никого. Мальчонка совсем кроха, а у того деда своих детей не было, вот он и растит его как родного сына. Оттого и некому было прийти к нашим воротам да потребовать справедливости.

Минцуань поджал губы и со вздохом покачал головой:

— Бедная матушка Чжан, умерла — и хватились её не сразу. Будь я на её месте, даже в Девяти Преисподних не упокоился бы от такой обиды. Утром, как всё прояснилось, госпожа Ху сразу отправила гонца в её деревню.

Ху Пэй молча перевёл взгляд на Фэйбая, белого лиса на кушетке.

Повелитель Грома, запертый в теле зверя, именно это и имел в виду: матушка Чжан погибла безвинно, обида её столь тяжела, что душа отказывается переходить реку Забвения и перерождаться.

— А что семья Минхэ? — любопытствовал Ху Линь.

— Там всё ещё нелепее. Детей у них уйма, всех пораспихали по чужим людям на заработки. Наше жалованье... — Минцуань усмехнулся. — Его родня, небось, радовалась уже тому, что парень сам у них денег не кланчит. Куда уж там ждать, чтобы он им что-то присылал.

— Из десяти игроков девять кончают плохо, — строго произнёс Ху Пэй. — Зарубите себе на носу: никогда не ступайте на эту дорожку.

Ху Линь замахал руками:

— Что вы, молодой господин! С тех пор, как уличили Ху Суна, я к этой заразе и близко не подхожу. Даже не гляжу в ту сторону.

Минцуань потёр кончик носа и шутливо поднял руку:

— Можете быть спокойны, молодой господин, у меня к этому никакого интереса. В начале года, когда поймали Ху Суна, Первая госпожа устроила показательную порку, чтобы другим неповадно было. Да только в Западном саду на это сквозь пальцы посмотрели — вот и взрастили беду. Теперь-то все трое господ в один голос запретили в усадьбе и кости, и петушинные бои, и вообще любые азартные игры. Кстати, о птицах... Того боевого петуха по кличке Генерал...

— А-Пэй!.. У-у-у!.. — в комнату ворвалась Хуан Сянь. Она скорчила гримасу горя и отчаянно зашмыгала носом. — Великий церемониймейстер велел зарезать Генерала и пустить на суп! О-о-о!..

Минцуань, глядя на её горькие слёзы, непонимающе спросил:

— Ты что, за те дни, пока бегала смотреть на него, успела привязаться к петуху?

— Ы-ы-ы... у него был такой звонкий голос! А летал-то как — чисто барс! Его же каждый день дождевыми червями кормили, мясо наверняка сочное, нежное... И мне ничего не досталось! У-у-у... А-Пэй, придумай что-нибудь!

Хуан Сянь изо всех сил выдавила пару слезинок. Поначалу её безутешный плач мог бы вызвать сострадание, но после этих слов Минцуань чуть не поперхнулся воздухом, а Ху Линь едва сдержал смех.

— Сяо Хуансянь, — прыснул Ху Линь, — думается мне, если ты пойдёшь оплакивать его перед Первой госпожой, толку будет больше.

Ху Пэй прижал ладонь ко лбу. Поглядев на ухмыляющихся слуг, он сухо спросил бессмертную:

— Вчера ты заграбастала кучу серебряных слитков. Где моя доля?

— Э-э... — Хуан Сянь осеклась.

Она поспешно прижала ладонь к кошелью на поясе, а сама испуганно забежала блестящими зеленоватыми глазами. По глупости она встретилась взглядом с Ху Пэем. С испугу икнув, она зажала рот ладошкой.

— Ху Линь дело говорит! Ой, я вспомнила, у меня ещё полно дел у Первой госпожи, побегу я!

Уже у порога она швырнула в Ху Пэя светящуюся точку. Тот поймал её на лету и разжал пальцы. На ладони лежала крупная, идеально круглая жемчужина, отливающая мягким молочным светом.

Ху Пэй покатал жемчужину между пальцами и едва заметно усмехнулся.

Эта плутовка наверняка успела урвать кусок от варёного Генерала, а её притворное горе было лишь попыткой выпросить добавки. От неё до сих пор за версту несло наваристым петушиным бульоном.

Выбросив из головы выходки Хуан Сянь, Ху Пэй задумался о вчерашней суматохе.

Ху Кунь, Ху Чэнь и Ху Тан хоть и доводились друг другу братьями, но были рождены от разных матерей, оттого согласия между ними никогда не водилось. Ничтожные крохи серебра — а как легко они помutilи разум всем троим. К тому же эта грязная история с убийством, в которой оказались замешаны слуги Ху Куня и Ху Тана, намертво завязала между братьями узел вражды, заложив основу для будущей беды.

В это же время в покоях третьей ветви седьмая барышня, Ху Юньлин, делилась мыслями со своей матерью, госпожой Цзюйхэн:

— Матушка, а наш Девятый — ну и лис! Прожжённый шельма. Вчера вечером он так ловко заменил моего брата на Ху Куня. У брата-то за душой ни гроша, мы же обе знаем, откуда там взяться деньгам? У меня и то больше водится. За пару конов он проигрался в пух и прах. Старший брат вроде бы остался в выигрыше, да только выпотрошил он карманы собственной же родни из второй ветви. Зато теперь Ху Тан затаил на него лютую злобу. А если прибавить сюда вражду их слуг, старшему придётся молча терпеть и глотать обиду. Хи-хи, прав мой наставник: «Не жаждай чужого добра, ибо, погнавшись за малым, лишишься великого».

Госпожа Цзюйхэн легонько щелкнула тараторящую дочь по лбу.

— Вечно ты всякой ерунды нахватаешься. Всё бы тебе выгоду считать. Если уж твёрдо решила не выходить замуж, так приложи силы, сдай государственный экзамен, прославь наше имя да купи себе приличную должность. Взрослая девица, а только и думаешь, как бы медью звенеть.

— Матушка, не лежит у меня душа к этому, зачем неволить? — хихикнула Ху Юньлин. — Вы бы лучше нашего недотёпу-братца уму-разуму поучили.

Мягкосердечная госпожа Цзюйхэн со вздохом покачала головой:

— Твой брат, может, и рад бы послужить престолу, да только простоват он, хитрости в нём нет. Держится подле Сяо Цзю — глядишь, какая кроха и перепадёт, но характер ведь не переделаешь. В наши дни женщинам не запрещено держать государственную службу, да только девицы, едва войдя в пору, так и норовят выскочить замуж, а после всю жизнь кладут на мужа да детей, запирая себя в четырёх стенах. Ты у меня девка умная, замуж не стремишься, но почему из всех занятий выбрала это звенящее серебро?

— Ах, матушка! Вы так сокрушаетесь, будто мы с Ху Юньлином — обуза для вас, — поймав строгий взгляд матери, Ху Юньлин капризно надула губки и рассмеялась. — Ну так уж природа устроила, что детей вынашивает женщина!

Госпожа Цзюйхэн, видя, что дочь совсем распоясалась, с укоризной посмотрела на неё:

— Глупая... Разве в детях дело? Я досадую лишь на то, что слишком рано встретила твоего отца и слишком быстро согласилась на его сватовство.

— Ой-ой-ой, матушка, не будь отца, не было бы и меня! — Ху Юньлин ласково обняла мать за руку и принялась легонько раскачивать её. — Ладно, оставим отца. Уж поверьте, эти звенящие кругляши с запахом меди никогда не обманут. Чем больше я их считаю, тем веселее на душе. Вот накоплю богатство, съеду от вас, открою собственную усадьбу, обзаведусь парой-тройкой смазливых наложников — буду жить припеваючи, прямо как наш второй дядя. Или, как наследница великого рода Шэнь Тяньсинь, стану жить в своё удовольствие, свободная от семейных уз. Разве это хуже, чем томиться в запертых покоях?

Ху Юньлин заглянула в лицо матери с хитрой, ласковой улыбкой.

Госпожа Цзюйхэн беззлобно шлёпнула своенравную дочь по руке:

— Выбрось эту дурь из головы. Думаешь, легко сожительствовать со сворой наложников? Посмотри на своего второго дядю — вчерашний пожар чуть не спалил всё его крыло. А твоя вторая тётушка и её «сёстры» по гарему? Ни одна из них не упустит своего. Твоя тётка терпит дядю только ради того, чтобы не отдавать добро соперницам, из чистого упрямства. Если захочешь жить своим домом — я тебя поддержу, но эти твои бредни о гареме... Лучше найди себе одного преданного человека и живи с ним в ладу, как твой отец.

— Ладно, ладно, поняла я, — небрежно отмахнулась Ху Юньлин.

Матушка вечно жаловалась, что замужество преградило ей путь к чиновничьей карьере, но в то же время таяла от нежности, вспоминая о преданности отца. Чужая душа — потёмки.

Ху Юньлин весело прищурилась и снова потянула мать за рукав:

— Матушка, а вот если бы на престол взошла женщина-император, вот тогда бы для нас,

женщин, настал истинный золотой век!

В этом мире мужчины и женщины подобны двум великим горам: они вечно меряются вышиной, споря, кто превзойдёт другого, и лишь когда спор утихнет, между ними проложит путь чистый поток, соединяя их в единый прекрасный пейзаж.

Кто бы мог подумать, что шутливые слова Ху Юньлин окажутся пророческими? Пройдёт время, и на престол Великой Чжоу действительно взойдёт женщина, а сама барышня сполна познает все радости и хлопоты обладания весёлым мужским гаремом.

Пока в покоях третьей ветви велись эти задушевные беседы, во второй ветви у Второго господина Ху Юньчжи всю бушевала буря.

У Ху Юньчжи голова шла кругом. Прежде сыновья и дочери казались ему послушными и тихими, а теперь они только и делали, что грызлись да валили вину друг на друга. Даже его законная супруга, младшие жёны и наложницы сцепились в открытой сваре, требуя справедливости и донимая его упрёками.

Окончательно лишившись покоя, раздосадованный господин просто сбежал из дома. Он укрылся в павильоне Благодатной Ночи, что за террасой Крика Журавля, и не показывался в усадьбе несколько дней. Лишь когда старший брат, Ху Юньшэнь, пригрозил ему лишением содержания, он нехотя поплёлся обратно в Западный сад.

Через несколько дней небо наконец прояснилось после долгого снегопада, и ласковое зимнее солнце озарило заснеженные улицы на радость горожанам.

Завернув чисто вымытого Фэйбая в тёплую накидку, Ху Пэй вместе со Старой госпожой Ху отправился в храм Лэни.

Великий наставник Лэни, верный последователь учения Будды Цзяни, обошёл всю Поднебесную, неся слово веры и просвещая простой люд. Вместе с конфуцианскими книжниками его последователи обучали грамоте детей из бедных семей, снискав глубокое уважение в народе. Со временем величественный храм Лэни, воздвигнутый в честь наставника, превратился в священное место, куда стекались паломники, мечтающие о чиновничьей карьере или успешной сдаче экзаменов.

Старая госпожа Ху была уже в преклонных летах и редко покидала стены усадьбы, однако её вера в богов оставалась непоколебимой. Добравшись до подножия горы, она, опираясь на верную трость, лично повела внуков и внучек пешком по крутой тропе к воротам обители, чтобы затеплить благовония. Всё, чего она желала — вымолить у небес мир, благополучие и блестящее будущее для своего рода.

Семья Ху никогда не отличалась многочисленным потомством; из поколения в поколение род держался на единственном наследнике. В один из тёмных периодов их истории продолжать династию и вовсе пришлось по женской линии, взяв в дом примака. В этом они походили на императорский дом Сюаньюань. Именно из-за этой малочисленности и верности традициям сменявшие друг друга владыки доверяли роду Ху ведение священных династических реестров, сделав их потомственными весенними чиновниками.

Лишь в поколении Старой госпожи род Ху расцвёл: она родила троих сыновей, а её второй сын и вовсе превзошёл всех, обзаведясь кучей жён и детей. Это наконец помогло укрепить положение семьи и наполнить усадьбу детским смехом. Однако вместе с многолюдством пришли новые заботы: семейного пирога на всех не хватало, а чиновничьих должностей на каждого отпрыска было не напасёшься.

Старая госпожа Ху вошла под своды укрытого серой черепицей храма и благоговейно опустила на колени перед золочёным изваянием Будды Лэни. Она молилась усердно, прося у богов согласия среди родичей и процветания для дома Ху.

Заметив, что стоящий рядом Ху Пэй лишь слегка склонил голову в почтительном поклоне, она потянула его за руку, заставляя опуститься на колени. Другие внуки и внучки наперебой бросились к алтарю, и лишь этот юноша, казавшийся отрешённым от мирской суеты небожителем, упрямо стоял во весь рост.

Ху Пэй подчинился неохотно. Он никогда не верил, что молитвы способны изменить судьбу — ведь порядок в семье зиждется на разуме людей, а не на милости идолов. Но под строгим взглядом бабушки, да ещё на глазах у толпы братьев и сестёр, ему пришлось опуститься на мягкий шёлковый пуфик.

Стоило Ху Пэю коснуться коленями пола, как лапа Повелителя Грома мягко, но решительно опустилась на его тыльную сторону ладони. Не выпуская когтей, лис лишь прижал мягкую подушечку к его коже. Он в упор посмотрел на юношу алыми, как рубины, глазами, словно задавая немой вопрос:

«Ты действительно собираешься преклонить перед ней колени?»

Но Ху Пэй назло ему мягко нажал на лисью голову, заставив зверя склониться вместе с собой в земном поклоне.

Повелитель Грома от возмущения тихо зашипел.

Увидев, что внук наконец проявил смирение, Старая госпожа довольно кивнула, но тут же недовольно нахмурилась:

— Сяо Цзю, негоже тащить этого зверя в главный зал. Это выказывает непочтение к великому Будде Лэни.

— Бабушка, раз уж я засвидетельствовал своё почтение величайшему из божеств этого храма, позвольте мне забрать его и прогуляться в саду, — воспользовавшись случаем, Ху Пэй тут же поднялся с колен. Он без лишних слов уступил место заждавшемуся позади Ху Ян, и, лавируя среди братьев и сестёр, направился к выходу в задний двор.

Ху Линь и Минцуань не пошли за ним. Понимая, что слуги тоже хотят затеплить благовония за здоровье своих семей, Ху Пэй отпустил их, позволив спокойно помолиться.

Ху Пэй неторопливо шёл среди толпы паломников, любующихся заснеженным садом. Оставив позади ухоженный внутренний двор, он свернул на узкую тропинку, ведущую к диким склонам задней горы.

— И что такого в этой Лэни? — негромко заговорил он на ходу. — Она совершила немало благодеяний для смертных, почему бы не выказать ей уважение? Или ты, великий Повелитель Грома, владыка Девяти Преисподних, настолько возгордился, что презираешь даже святых?

Голос Повелителя Грома отозвался прямо в его сознании:

«Не болтай глупостей. Она принесла своё земное тело в жертву, обратив его в путеводный огонь Жёлтого источника, и тем самым осветила душам путь к перерождению в мире Цзюньчжоу. Но мы с ней оба — хранители Цзюю. Стал бы ты кланяться в пояс собственному соученику?»

— Достойный уважения поступок. Неудивительно, что смертные веками курят ей благовония, — с лёгкой улыбкой заметил Ху Пэй, оставив без ответа его слова о равенстве.

Повелитель Грома зашевелил лапами, собираясь спрыгнуть на тропинку, но юноша тут же предупредил его:

— Если испачкаешь лапы в талом снегу, даже не думай проситься обратно на руки.

Лис недовольно сморщил мордочку, обнажив клыки в подобии усмешки:

«Вообще-то, это твоё тело»

И всё же он остался сидеть на руках. Хотя свежий снег манил чистотой, Чжаогэ... вернее, Ху Пэй, терпеть не мог, когда намокала шерсть, ведь влага приносила дискомфорт его собственной плоти.

Нынешний Ху Пэй ни капель не походил на прежнего Чжаогэ.

— Ну и что с того? Сейчас-то в этом теле заперт ты.

Ху Пэй ступил на нетронутый наст уединённой горной тропы и поднял глаза.

Вокруг высились хрустальные деревья, скованные панцирем льда; весь склон утопал в чистейшей белизне. Стоя посреди этого безмолвия, можно было расслышать далёкий рокот горного ручья Цзяньбин, пробивающего себе дорогу сквозь ледяные оковы.

В груди родилось непривычное чувство свободы. Ху Пэй глубоко вдохнул морозный воздух, наполняя лёгкие чистой прохладой с тонким ароматом хвои.

— Быть человеком или демоном — не так уж важно, — негромко произнёс он с улыбкой. — Все мы лишь песчинки в водовороте бытия, блуждающие во тьме в поисках ответов на свои вопросы.

Белый лис чутко повёл ушами. Зверь единым махом выскочил из рук Ху Пэя и помчался по заснеженному склону вверх.

Ху Пэй нахмурился, глядя ему вслед, но бежать за ним не стал. Он просто развернулся и зашагал обратно по тропинке к храму.

Повелитель Грома замер на полугоре, удерживая равновесие на рыхлом насте. Он проводил взглядом уходящего юношу, совершенно не понимая его безразличия.

Лис посмотрел на него с тяжёлой тенью во взгляде, а облачко тёплого пара, вырвавшееся из влажного носа, быстро растаяло в морозном воздухе.

Прежний Чжаогэ никогда не был таким холодным и отстранённым от земных страстей. Тот манил к себе ярким пламенем жизни...

Белый лис уныло опустил морду, его пушистые усы обвисли. Постояв мгновение, он сорвался с места и бросился догонять своего спутника.

Ху Пэй шёл обратно, краем уха прислушиваясь к шороху лап позади.

Когда-то давно, ослеплённый любовью, он следовал за холодным блеском серебряных доспехов, покидая пределы Цзюю. Тот путь забрал у него все силы без остатка.

Тогда он дал себе нерушимую клятву: пока жива его память, он никогда больше не побежит ни за человеком, ни за зверем. Он готов был отдать всё на свете лишь за то, чтобы тот единственный силуэт обернулся к нему хоть раз.

На кого-то другого сил в его душе просто не осталось.

Его сердце навсегда унеслось вслед за развевающимся краем чужого плаща.

<http://bllate.org/book/18313/1760603>